

Л.Чарская. Проблемы любви: Рассказы о женском сердце -- СПб.: П.П.Сойкин, 1903 -- 156с.
(изд 1-е.) -- (Приложение к журналу "Европейская жизнь и Россия".)

Scan: Kapti, 2009г

OCR, SpellCheck: Carina, 2009г

Л.Чарская

Не ко двору.

Дождь мелкий, холодный, настоящий октябрьский дождь бьет о стекла большого серого здания.

По широкому крыльцу, зябко кутаясь в солдатскую шинельку, ходит дневальный.

Где-то далеко в темноте лает голодная собака.

-- Михеев! Прошла барыня?

Перед дежурным солдатиком вырастает плотная и коренастая фигура офицера.

-- Так точно, ваше высокоблагородие! -- рапортует солдатик, вытягиваясь в струнку.

Офицер легкой и быстрой походкой, не соответствующей его полной фигуре, вбегает по скользким и мокрым от дождя ступеням крыльца и, пройдя длинный, чуть освещенный коридор, по обе стороны которого расположены офицерские квартиры, звонит у своей двери.

На гладкой дверной доске выгравировано четким и жирным шрифтом "Владимир Михайлович Звягин".

Денщик с добродушной хохлацкой физиономией широко распахивает дверь.

-- Что, Гриценко, прошла барыня? -- повторяет и ему свой вопрос офицер.

-- Так точно, пришли-с, ваше высокоблагородие.

Поручик Звягин бросает ему на руки шинель и шашку и, на ходу вытирая мокрые усы, проходит уютную, крохотную столовую, зальце с новенькой еще "приданной" мебелью и входит в спальню, разгороженную на две половины высокими голубыми ширмами.

-- Ира! Ты здесь?

Она здесь... Она лежит на кушетке в своем будуаре, как они в шутку в первые дни замужества окрестили чистую половину своей спальни, нервная и возбужденная, как всегда.

Он иной ее и не знает, особенно с тех пор, как началась эта ужасная история с Ивановыми. И теперь ее большие темные глаза горят сухим и острым, точно горячечным, блеском, которого он так не любит и, пожалуй, даже боится.

При его появлении, она вскакивает с кушетки и, подбежав к нему с живостью подростка, вскрикивает:

-- Ну, что?

Когда она лежит, то кажется маленькой и хрупкой, теперь, когда она стоит, ее можно назвать почти высокой.

В белом фланелевом халате, какими-то прихотливыми складками драпирующем ее фигуру, с бледным, подвижным и болезненным лицом, она не красива, но лицо ее не может остаться незамеченным!.. Оно просится на полотно и прочно западает в душу. Оно живет тысячью ощущений сразу, это донельзя странное, говорящее, подвижное лицо.

-- Ну, что? -- говорит лицо всеми мускулами, говорит прежде, нежели голос.

Поручик Звягин, избегая взгляда жены, целует ее худенькие, необыкновенно прозрачные пальцы.

Едва заметная презрительная улыбка морщит тонкие губы Ирины и вся она как-то темнеет и сокращается.

-- Ты ничего не сделал! Я вижу, ты ничего не сделал, -- говорит она глухим, точно надорванным голосом и, отвернувшись от него, тихо плачет...

Ее слезь он выносить не может, как не может выносить ее сухого, острого взгляда. Он слишком любит ее. В ней одной вся его жизнь...

-- Ира, дорогая, пойми! -- и он нежно касается ее вздрагивающих плеч.

-- Нет, никогда не пойму, никогда, ни тебя, ни их, никого из вас! Вы мне гадки, все! Слышишь ли, все, все, все!

И голос становится еще глуше и резче.

-- Но пойми же, это дисциплина, Ира, жизнь моя!

-- Ложь! Дисциплиной называешь ты мучить и истязать людей без всякой пользы! Эту дисциплину выдумал ты и тебе подобные. Строгость должна быть, должна быть дисциплина, но ведь все